

Дементьев Н.Е., Коновалов К.Ю.

КАКИХ «КУЛАКОВ» КАК КЛАСС ЛИКВИДИРОВАЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Коллективизация крестьянских хозяйств сыграла сложную и противоречивую роль в истории советского общества. Об этом сейчас особенно много спорят и ученые, и публицисты, предлагая свои оценки и выводы, подчас весьма разноречивые и даже взаимоисключающие. Подавляющее большинство авторов книг, брошюр и статей на эту тему считает, что необходимо наконец рассказать народу правду о том, как совершался этот глубочайший переворот в жизни деревни, к каким непосредственным и отдаленным последствиям он привел, как в конечном итоге оценивать его сущность.

Составной частью общей политики сплошной коллективизации сельского хозяйства была ликвидация кулачества как класса. Из огромного числа публикаций по этой теме за последние 15 лет мы узнали много нового: о том, что скрывалось за грифами «секретно», «совершенно секретно», «только для служебного пользования». Многие подобные документ и материалы о коллективизации вплоть до наших дней оставались недоступными для исследователей. К числу таковых относятся в первую очередь официальные сведения о состоянии совхозов и колхозов в 20-е годы в сравнении с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, о физических объемах и качестве питания различных социальных слоев деревни, об их политических настроениях и отношении к Советской власти вообще и к ее земельной политике в частности, полученные в ходе периодических обследований деревни. Анализ этих и других, ставших достоянием гласности документов и материалов в последние два года, позволяет исследователям прийти к новым оценкам и выводам, отказаться от навязанных ранее обществу догм и стереотипов. В полной мере сказанное относится и к вопросу, вынесенному нами в заголовок данной статьи.

В советской историографии всегда присутствовала мысль о происходившей на всем протяжении 20-х годов классовой борьбе в деревне между кулаками и бедняками. Авторы приводили различные данные о численности этих социальных категорий населения, существенно отличавшихся в зависимости от регионов страны. Но при этом то-ли по традиции, то-ли сознательно игнорировали крайне важное признание вождя партии коммунистов и первого главы Советского правительства Ленина о том, что политика комбедов второй половины 1918 года привела по существу к ликвидации кулацкого сословия.

В ленинском докладе о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 года на X съезде РКП/б/ говорилось: «...кулак подрезан и в значительной части экспроприирован... данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т.е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосещика сгладились. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положении середняка».ⁱ Задача удовлетворения нужд и запросов этого середняка выдвигалась на передний план. На это же ориентировала партию и государство резолюция VIII съезда РКП/б/ «Об отношении к среднему крестьянству», принятая еще в начале 1919 года.ⁱⁱ

Однако, реальная большевистская практика разрешения аграрно-крестьянского вопроса в 20-е годы свидетельствует о разрыве между словом и делом. Верные своей программной цели, провозглашенной еще в 1903 году на II съезде РСДРП, большевики добивались «свободного развития классовой борьбы в деревне», опирались на бедняцко-батрацкие слои, часто противопоставляя их всем сравнительно зажиточным слоям сельского населения. На всем протяжении 20-х годов при сельсоветах, комячейках и органах кооперации создавались и действовали группы крестьянской бедноты. Будучи опорой Советской власти в деревне, их члены освобождались властью от уплаты всех налогов, на их содержание выделялось 25% от собранного налога и 50% найденного ими скрытого от власти продовольствия. В ходе частичного раскулачивания беднота получала в свое пользование часть национализованного имущества. В силу этих причин организованная властью беднота питалась лучше, чем представители малопосевных и среднепосевных хозяйств.ⁱⁱⁱ В деревне, таким образом, создавался слой беспосевных крестьянских дворов, интересы которых не могли совпадать с интересами середняков, являющихся основными производителями сельскохозяйственного сырья для промышленности и продовольствия для армии и населения городов. В такой обстановке органы власти были вынуждены констатировать, что середняк идет в основном за кулаком. К такому выводу приходил и ЦК ВКП/б/ на основе анализа той информации, которая поступала сюда из различных мест страны.^{iv}

В Кратком курсе истории ВКП/б/, появившемся в конце 30-х годов, была дана периодизация истории советского общества. Позднее она перекочевала во все советские учебники по истории СССР и КПСС. 1921-1925 годы были охарактеризованы как период восстановления народного хозяйства. Но факты свидетельствуют, что в течение первой половины 20-х годов сельское хозяйство страны не было восстановлено: оно не достигло уровней его состояния в 1913, 1916 и 1917 годах ни по размеру посевных площадей, ни по урожайности, ни по объему валовой продукции. Эти уровни не были достигнуты даже к концу 20-х годов, когда началась массовая коллективизация деревни.^v

Наглядное представление о процессе восстановления деревенской экономики в Советской России дает Крымская АССР. Сразу же после окончания гражданской войны властные структуры этой республики сделали основную ставку на расширение посевных площадей зерновых и технических культур. В ходе разрешения этой задачи они многократно в пропагандистских целях делали заявления об успешности ее разрешения. Но в 1925 году были вынуждены признать, что задача оказалась более сложной. Чем предполагалось, и планы расширения посевных площадей оказались нереализованными.^{vi} Причины этого объяснялись прежде всего тем, что крестьяне-бедняки не имели нужного количества семян, тягловой силы (волов и лошадей) и сельхозинвентаря. Но в тени оставалась главная из причин: бедняцкая часть деревни не была заинтересована в расширении посевов, ей и без того жилось сравнительно неплохо. И так было не только в Крыму, но и во всей России. Только этим можно объяснить решимость российских властей пойти весной 1925 года, перед началом

весеннего сева, но существенное расширение в сфере поземельных отношений аренды земли и наемного труда.

Власти прекрасно сознавали суть дела, но не хотели открыто говорить об этой причине. Они решили без объяснений перед народом задействовать в разрешении проблемы расширения посевов и увеличения урожайности сельскохозяйственных культур истинно трудовую часть деревни и с этой целью внесли ряд дополнений в Земельный Кодекс РСФСР. Сущность этих дополнений сводилась именно к расширению возможностей применения аренды земли и наемного труда в сельскохозяйственном производстве.

Земельный кодекс России 1922 года, а вслед за ним и Кодексы других советских республик допускали аренду земли и наемный труд в сельском хозяйстве в строго ограниченных размерах. Их возможность допускалась лишь для семей красноармейцев, инвалидов войны и т.п. Теперь же рамки аренды и наемного труда существенно расширились, что связывалось с проведением новой экономической политики. Жизнь прорывалась сквозь преграды, искусственно созданные большевиками на пути обогащения крестьянства, даже за счет собственного труда на земле. С этого времени, а именно с 1925 года, процесс дифференциации крестьянства резко усилился: значительная часть бедноты стала сдавать свои земельные наделы в аренду тем, кто не только обрабатывал свои участки, но и арендовал их у бедняков. У одних крестьян земли становилось больше, у других меньше, третьи совсем лишались ее, так как предпочли жить по принципу: «мы не пашем и не сеем...»

Власти Российской Федерации внимательно следили за происходившими в деревне процессами. С одной стороны, их удовлетворял рост численности обезземелившихся крестьян, которые связывали свою судьбу с Советской властью, и возлагали все свои надежды на нее по защите собственных интересов. С другой стороны, органы власти беспокоило появление нового социального слоя в деревне, сравнительно зажиточной части крестьянства. Этот слой самый хозяйственный и трудолюбивый, обеспечил в 1927 году наиболее высокий урожай зерновых культур за все предшествующие годы существования Советской власти. За 1925-1927 годы существенно возросли размеры посевных площадей и валовые сборы продукции сельского хозяйства. Так было в Крыму, так было и в других регионах Советского Союза. Но богатый крестьянин не пользовался поддержкой Советской власти. Руководствуясь догмами марксизма, партия большевиков объявила зажиточных крестьян «кулаками» и возобновила новую войну против них. С этой целью в 1927/1928 хозяйственном году был введено индивидуальное (дополнительное) налогообложение зажиточных крестьянских хозяйств.^{vii}

Факт появления нового кулака, порожденного самой Советской властью, констатировали резолюции партийных съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП/б/, речи ее Генерального секретаря Сталина. В подтверждение сказанного приведем несколько сталинских высказываний на этот счет. Выступая с политическим отчетом ЦК на XV съезде ВКП/б/ 3 декабря 1927 года, Сталин отмечал «известный рост кулачества в деревне», считая это «минусом в балансе нашего хозяйства»^{viii} В письме ЦК ВКП/б/ от 13 февраля 1928 года «Ко всем организациям ВКП/б/», подписанном Сталиным, говорилось: «Из ряда причин, определивших кризис хлебозаготовок, необходимо отметить следующее: во-первых, растет и богатеет деревня. Вырос и разбогател, прежде всего, кулак».^{ix} В речи на пленуме ЦК ВКП/б/ 9 июля 1928 года Сталин признавал: «Мы говорим часто, что необходимо ограничить эксплуататорские поползновения кулачества в деревне. Что надо наложить на кулачество высокие налоги, что надо ограничить право аренды, не допускать выборов кулаков в Советы и т.д. и т.п. А что это значит? Это значит, что мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения».^x

Подобные высказывания о кулаках весьма многочисленны. Все они пронизаны ненавистью к крестьянам-богачам, которым была чуждой идея мировой пролетарской революции. Чем крестьянин богаче, тем он хочет быть независимым от властей, самостоятельнее в принятии решений. Большевистский курс на мировую революцию разделяли и поддерживали лишь те из крестьян, которым нечего было в этой революции терять. Могла ли эта полупролетарская масса прокормить страну? На этот вопрос исчерпывающий ответ дал Сталин на XIV съезде ВКП/б/ 18 декабря 1925 года: «Беднота все еще проникнута иждивенческой психологией, она надеется на ГПУ, на начальство, на что угодно, только не на себя, не на свою силу».^{xi} И далее: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, - к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия больше всего подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, - и мигом разденут кулака».^{xii} Так оно и произошло: стоило Сталину в конце 1929 года призвать коммунистов к ликвидации кулачества как класса, как эта акция сразу же была осуществлена по всей стране.

На протяжении 20-х годов органы Советской власти неоднократно пытались сформулировать признаки кулацких хозяйств. Но каждый раз эти попытки оказывались неудачными. Экономически состоятельное крестьянство не воспринимало их совсем. Бедняцкие элементы, напротив, стремились расширить круг этих признаков. Последняя такая попытка в рассматриваемый нами период была сделана в конце 1929 года. В развитие постановлений СНК СССР от 21 мая 1929 года и от 21 июня 1929 года «О признаках кулацких хозяйств» принимались подобные документы во всех союзных и автономных республиках. ЦИК и СНК Крымской АССР приняли свое постановление «О признаках кулацких хозяйств в Крыму». Согласно ему кулацкими хозяйствами считались те, которые обладали одним из следующих признаков:

А) если хозяйство систематически применяло наемный труд;

Б) если в хозяйстве имелась мельница, маслобойка, крупорушка, волночесалка, шерстобитка, картофельная, плодовая или овощная сушилка, водяная или ветряная мельница;

В) если хозяйство сдавало внаем сельхозмашины, сельхозинвентарь, помещения под жилье или предприятия;

Г) если члены хозяйства занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или

имели другие нетрудовые доходы.^{xiii}

Это постановление окончательно лишило крестьянские хозяйства полуострова каких-либо стимулов, побуждавших развивать индивидуальное хозяйство.

Крым одним из первых регионов СССР приступил к ликвидации кулачества как класса. Определенные круги крымского руководства проявили нетерпение в стремлении осуществить эту акцию. Для понимания сложившейся ситуации для других руководителей республики сошлемся на конкретный пример. В январе 1929 года Крымски² обком партии направил в деревни группы партработников для проведения партлинии в социалистическом строительстве на селе. В числе направленных оказался инструктор обкома некий Шимкунас. В течение двух месяцев пребывания в сельской местности он постоянно бомбардировал обком партии докладными записками со всякого рода планами и предложениями. Это возымело свой результат: Шимкунас стал секретарем Ялтинского райкома ВКП/б/ и начал осуществлять свои прожекты. В течение ноября-декабря 1929 года он объявил Ялтинский район полностью коллективизированным и поставил вопрос о создании в Крыму не только совхозов-гигантов, но и сельскохозяйственных комбинатов.^{xiv}

Пример действий Шимкунаса преподносился определенной категорией лиц из крымского руководства как достойный не только одобрения, но и подражания. Следуя ялтинскому примеру, органы ГПУ Крыма в ночь с 26 на 27 января 1930 года приступили к массовой ликвидации кулачества как класса. Начались обыски и изъятия ценностей. Приведем оценку происходившего самими участниками раскулачивания: «Здесь пришлось столкнуться с неблагоприятным положением. Вместо поддержки операции со стороны основной массы крестьянства имели место явно нежелательные настроения целых деревень, вылившиеся в откровенное недовольство операцией и в оказание сопротивления... Операцию пришлось проводить в течение трех раз. Два раза население деревень собиралось большой толпой, ругали, угрожали, а когда надо было увезти арестованных, оказало решительное сопротивление и отбило арестованных. В момент отъезда машины сотрудников ГПУ из деревень вслед посылались камни».^{xv} Так Крым втягивался в полосу трагических событий, ознаменовавших собой процесс раскрестьянивания.

Политике ликвидации кулачества как класса предшествовали политические репрессии в виде лишения избирательных прав. К примеру, в 1926 году по всему Крыму были лишены этих прав 3 180 немцев, что составляло 16,6% по отношению к общему числу немецких избирателей.^{xvi} В 1928-1929 годах политические репрессии против крестьянства были значительно расширены. В справке КрымЦИК от 12 ноября 1929 года об отчетно-выборных компаниях указывается, что в это время «был взят твердый курс на лишение избирательных прав всего кулачко-эксплуататорского и нэпманского элементов».^{xvii}

В ходе проведения новой земельной реформы в Крыму для этого появились новые основания. 11 февраля 1929 года ВЦИК установил средние нормы наделов для крестьянских хозяйств. Часть хозяйств не укладывалась в эти нормы. Это позволило местным органам власти отнести числившиеся середнячками к разряду кулацких хозяйств. Но основным критерием определения таковых являлось применение наемного труда. Как следует из заявлений многих «лишенцев», они применяли наемную силу по причине невозможности вести хозяйство собственными силами из-за инвалидности, старости, большого количества в семьях малолетних детей, что подтверждалось соответствующими документами. «Лишенцами» становились и кооператоры, которых стали именовать спекулянтами. К спекулянтам относились и крестьяне, которые в голодные 1921-1922 годы чем-либо торговали, не имея других средств к существованию.

Об экономическом положении «лишенцев» свидетельствуют описи их имущества при раскулачивании. У Г.Г. Шерер из деревни Кара-Найман, Евпаторийского района значилось: пшеница – 2 мешка, кобыла – 1, корова – 1, бричка – 1, плуг – 1, кровать – 1, шкаф – 1, стулья – 2, стол – 1. Крестьяне деревни Ярылчаг, Ак-Мечетского района С.Д. Сердюк и Е.П. Принь за невыполнение твердого задания по налогу решением сельсовета были оштрафованы: первый на 4450 рублей, второй – на 6550 рублей. Но так как штраф было платить нечем, сельсовет назначил распродажу имущества упомянутых крестьян. Во время торгов из обоих крестьянских дворов было выставлено: рабочая лошадь – 1 стоимостью 15 рублей, курицы с петухом – 20 стоимостью 20 рублей, мука пшеничная – 2 мешка стоимостью 5 рублей, жакет – 1 стоимостью 5 рублей, самовар – 1 стоимостью 3 рубля, пальто – 1 стоимостью 15 рублей, охотничье ружье – 1 стоимостью 15 рублей. Сундук – 1 стоимостью 3 рубля, кровати – 2 стоимостью 5 рублей.^{xviii} Общая стоимость всего этого добра оценивалась в 86 рублей, что составляло одну шестнадцатую часть от суммы штрафов.

«Кулаки» Махотины из деревни Абла-Гожди, Ак-Мечетского района, как видно из описи конфискованного у них имущества, на 6 детей имели всего одно пальто, на всю семью из 9 человек – 5 пар обуви. Из продуктов на момент конфискации имелось 8 пудов муки и один пуд мяса.^{xix} Крестьянин С.Ф. Кольберг из деревни Кара-Найман, Евпаторийского района получил из сельсовета твердое задание в 24 часа сдать государству в план мясopоставок 2 свиньи. Так как задание не было выполнено, на второй день были объявлены торги его имуществом. В объявлении значилось: дом – 50 рублей, шуба – 25 рублей, стол – 5 рублей, диван – 5 рублей, зеркало – 1 рубль, счета конторские – 1 рубль, брюки – 3 рубля.^{xx}

Удельный вес «кулаков» по отношению к общей численности сельского населения Крыма составил в 1928 году – 20%, в 1929 году – 24,6%. Рассматривая многочисленные жалобы, некоторые райисполкомы вынуждены были признавать факты грубейших нарушений гражданских прав. Сельсоветы причисляли к кулакам всех, кто отказывался вступать в колхозы, кого относили к вредным элементам в колхозах, кто критически относился к политике Советской власти и т.п.^{xxi}

Приведенные нами в статье цифры и факты позволяют заключить, что к началу сплошной коллективизации дореволюционных кулацких хозяйств уже не существовало. Были лишь относительно зажиточные крестьяне, вставшие на ноги после 1925 года, когда были расширены возможности арендных отношений и использования

наемного труда. Можно говорить лишь о «советском кулаке» периода НЭПа, которого власть определяла по количественным показателям. В материалах по подготовке новой земельной реформы в Крыму, относящихся к 1928 году, отмечалось, что здесь «совсем исчезли типичные кулацкие хозяйства с посевом свыше 100 десятин, редко встречаются хозяйства с посевом в 50 десятин и двумя батраками. Хозяйств с посевом 35 десятин 2% на всю республику»^{xxi}. Стало быть, основную массу «кулачества» конца 20-х годов составляли те, кого в первой половине 20-х годов причисляли к середнякам и беднякам.

Литература

- ⁱ Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.43, С.60
- ⁱⁱ КПСС в резолюциях и решениях... Изд. *, т. 2. С. 60
- ⁱⁱⁱ Бюллетень Крымского ЦСУ, 1926, № 6. С. 38-39
- ^{iv} РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 13, д. 122, л.16-18
- ^v Там же, д. 145, л. 245-246
- ^{vi} ЦГА РФ, ф. 2313, оп.10, д.14, л.80
- ^{vii} Там же, д. 122, л.25
- ^{viii} Сталин И. Сочинения. Т.10. С. 311
- ^{ix} Там же. Т. 9 С.12
- ^x Там же. Т.11. С.170
- ^{xi} Там же. Т. 7. С.333
- ^{xii} Там же. Т.7. С.337
- ^{xiii} Бюллетень ЦИК Советов и СНК Крымской АССР. 1929, 31. С.2.
- ^{xiv} РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 16, д. 184, л. 15-16
- ^{xv} ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 972, л. 29
- ^{xvi} ЦГА РФ, ф. 2313, оп.15, д. 244, л. 17
- ^{xvii} ГА АРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1728, л.1
- ^{xviii} ГА АРК ф. Р-1066, оп. 1, д. 457, л. 25
- ^{xix} Там же. Ф. Р-1046, оп. 1, д. 250, л.15
- ^{xx} Там же. Ф. Р-1066, оп.1., д. 204, л.14
- ^{xxi} РЦХИДНИ, ф.17, оп.60, д.278, л.11
- ^{xxii} Там же, л. 393